

**ПЕРЕВОД КАК ИНДИКАЦИЯ ДОМИНИРУЮЩИХ ПРИОРИТЕТОВ В
ФИЛОСОФСКОМ СООБЩЕСТВЕ**

(на материале современного украинского перевода)

Статья содержит обзор западноевропейских философских текстов, переведенных на украинский язык и опубликованных в Украине в период с 1994 по 2012 гг.. Делается попытка проанализировать метапереводческий контекст украинского философского дискурса и раскрыть воздействие на процесс философского перевода прагматических и социолингвистических факторов.

Ключевые слова: перевод, философский текст, метапереводческая избирательность.

The article provides the overview of the Western European philosophical texts translated into Ukrainian and published in Ukraine from 1994 to 2012. The attempt is made to analyze metatranslational Ukrainian context of philosophical discourse and reveal the impact on the translation of pragmatic and sociolinguistic factors.

Key words: concept, verbal representation, cognitive category, prototype, invariant.

Зависимость развития отечественной философской культуры от перевода очевидна, поскольку доступным для профессионального исследования, дискуссий, дальнейшей адаптации и собственного развития может быть только то, что своевременно и эффективно переводится. Однако, как показывает анализ переводческих философских текстов, опубликованных с середины 1990х годов, философский перевод – это, прежде всего, результат *стереотипизации восприятия эпистем философского знания и национальных переводческих прецедентов.*

Так, в украинских реалиях статистически и пропорционально самыми репрезентованными на сегодняшний день оказались тексты К.-О. Апеля (пер. К. Байнес, А. Ермоленко, В. Куплин, М. Минаков, Л. Ситниченко), И. Канта (пер. И. Бурковский, В. Терлецкий), П. Рикёра (пер. К. Байдес, М. Гирняк, С. Желдак, В. Каденко, О. Шевченко, В. Шовкун), Ю. Хабермаса (пер. А. Дахний), М. Хайдеггера (пер. Т. Возняк, Н. Зборовская, В. Камянец, Ю. Прохасько), и Г. Сковороды (пер. М. Кашуба и В. Шемчук). Очевидное пристрастие на постсоветском пространстве к определённым немецким персоналиям (Ф. Ницше, П. Рикёр, З. Фрейд, М. Хайдеггер, К. Юнг) базируется на близости для русского и украинского философского сообщества традиций классического немецкого идеализма (Г. Гегель, И. Кант, К. Лейбниц, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинг, И. Юнг), под исключительным влиянием которого складывалась отечественная философская

стилистика и традиции аналитической философской критики. Особенно заметно это на примере широко востребованных пока и в Украине русскоязычных переводов. Например, консервативно-романтические взгляды М. Хайдеггера (мифология почвы, интерес к античной философии, критика технического прогресса, либерализма и демократии), и его «литературно-поэтическое» экспериментаторство очень близки стилистике классического «любомудрия» (В. Д. Кудрявцев-Платонов, Н. М. Каринский, В. Соловьёв, Н. Лосский, А. Платонов, Н. Трубецкой, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Ю. Лотман), что создало благоприятный переводческий контекст, в котором на протяжении двух последних десятилетий усилиями талантливых переводчиков и комментаторов В.В. Бибихина, Е. В. Борисова, А. Михайлова и Т.В. Васильевой формировался, в частности, и, оказавший большое влияние на украинский образовательный контекст, уникальный феномен «русского Хайдеггера». И хотя в русскоязычных переводах представлены пока не все тексты немецкого мыслителя (полное собрание его сочинений насчитывает свыше 100 томов), основные работы, позволяющие судить о его творчестве, уже переведены. В частности, большим событием для российского «мысле-язычия» (Е. Озобкина) стал снабжённый комментариями и примечаниями переводчиков перевод «*Бытия и времени*» (Изд-во «Ad Marginem», 1997). Однако, в русскоязычной «принимающей» традиции, хайдеггеровская метафизика языка чаще всего заслоняет его реальный вклад в фундаментальную философию, поскольку невостребованной оказывается феноменологическая составляющая его творчества, как и вся феноменологическая дискрипция Э. Гуссерля, М. Шелера, Ф. Брентано, В. Вальденфельса или М. Мерло-Понти. Причина лежит в отсутствии определённого типа стандартов, формирующих культуру принятия переводческих решений. Отсутствие собственных феноменологических традиций делает затруднительным полноценный перевод иноязычных феноменологических текстов. Незрелость перевода отражает незрелость национальных философских традиций, поскольку для того, чтобы считаться феноменологом на постсоветском пространстве вполне достаточно знать немецкий язык и иметь доступ к соответствующей литературе.

Для сравнения, «украинская философия» лишь только начинает осваивать «своего» Хайдеггера. Первая возможность ознакомиться с М. Хайдеггером по-украински – сборник из шести, написанных между 1950 и 1959 гг. небольших текстов «*Дорогою до мови*» (пер. В. Камянец, Львов: «Літопис»), появилась у читателей только в 2007 г. Позитивен тот факт, что половина из них не имеют русских аналогов и они снабжены вступительной статьёй М. Минакова («*Сутність мови і смисл буття в онтології Мартіна Гайдеггера*»), а также комментарием «*Від перекладача*». Однако, доверие к нему несколько подрывает отсутствие словаря ключевых терминов (учитывая их гипотетический, беспрецедентный, некодифицированный, т.е. дискуссионный характер), индекса имен и пояснительных комментариев по тексту.

Близка постсоветским философским сообществам оказалась и методология деконструкции (и всего постструктурализма-постмодерна М. Бодриара, П. Бурдьё, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ф. Джеймисона, Ж.-Ф. Лиотара, Ю. Кристевой, Ф. Фуко, Н. Хомского, У. Эко и других), восприятие которой, вероятно, оказалось подготовлено работами по структурной лингвистике (Ф. де Соссюр, Ш. Балли, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон) и структурному литературоведению Ю. М. Лотмана (и других теоретиков московско-тартуской школы), В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, а также литературными дискуссиями

вокруг экзистенциального творчества И. Бродского, Х.Л. Борхеса, Г. Гессе, Х. Кортасара, Г. Маркеса, Ж.-М. Сартра, Т. Стоппарда, У. Эко и других. Решающим можно считать и тот факт, что в круг постструктуралистских интересов и интерпретаций вошла практически вся философская и литературная классика – Сократ и Платон (Ж. Деррида, Ю. Кристева), Рабле (Ю. Кристева, Ж. Парис), Руссо (Ж. Деррида), Э. По (Р. Барт), Кьеркегор и Ницше (Ж. Делёз, Ж. Деррида), Бальзак (Р. Барт), Лотреамон (Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Плейне, Ф. Соллерс), Кэрролл (Ж. Делёз), Малларме и символисты (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева) и т.д..

На фоне активного интереса к М. Хайдеггеру, Ж. Делёзу, деконструкции и психоанализу отчетливо прослеживается, например, общая ситуация не востребоваемости аналитической философии (в которой особняком стоит интерес к таким авторам, как Дж. Роулз с его реанимирующей аристотелевский ценностно-этический подход книгой *«Theory of Justice»*), а с ними и потерявших в постсоветских реалиях остроту социального критицизма Т. Адорно, Л. Альтюссера и Р. Арона (с их «фантазиями» о красоте коммунистического рая), Э. Блоха, Д. Лукача (в частности, его *«Истории и классового сознания»*), или М. Хоркхаймера. В украинских реалиях этот пробел частично восстанавливают профинансированные фондом Сороса переводы *«Основа арифметики...»* Г. Фреге (К.: Port-Royal, 2001), *«Творения демократії»* Г. Патнема (К.: «Основи», 2001), издание *«Dialektik der Aufklärung: Philosophische/ Дialeктики Просвещения»* М. Хоркхаймера и Т. Адорно, *«Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter/ Влада та її опоненти в епоху глобалізму»* У. Бека («Промінь», 2006), *«Political Liberalism/ Політичний лібералізм»* Дж. Роулза (К.: «Основи») и некоторые другие.

Востребованность перевода может свидетельствовать о **внутренней потребности** в тех или иных **идеях**. Это подтверждается, например, большим спросом на сравнительно недавние русский и украинский переводы *«Open society»* («Открытое общество»/ *«Віткріто суспільство»*) К. Поппера (пер. з англ. О. Коваленко. – К.: «Основи», 1994), или украинские переводы *«Філософії прав людини»* Ш. Гозепата (К.: «Ніка-центр», 2007, пер. А. Юдина и Л. Дороницовой) и *«Політичний лібералізм»* Дж. Роулза (К.: «Основи», пер. А. Мокровольского), публикация которых связана с просветительскими программами, сфокусированными, в частности, на концепциях, в значительной степени определяющими основы современной политики. Вместе с тем, опубликованный в 1998 году перевод некогда чрезвычайно популярной книги О. Шпенглера *«Закат Европы»* остался практически незамеченным отечественным философским сообществом – и не только из-за своего европоцентризма, но и, в большей степени, потому, что многие злободневные для Европы 10-х – 20-х годов XX века идеи и высказывания Шпенглера с тех пор стали общим местом и потеряли свою новизну. Вместе с тем, показательно, что недостаточно оцененным в украинском сообществе (по причинам, связанным с особыми приоритетами современного национального философствования) осталось и знаменательное появление украинского двухтомного перевода *«Істини і методу»* Г.Г. Гадамера (пер. А. Мокровольского, К.: «Юніверс», 2000), выполненного, в отличие от русскоязычного перевода Б. Н. Бессонова, без всяких купюр.

Однако, часто перевод зависит от таких факторов, как модное имя, или модная философская идея, символизирующие «философскую политику» современности, её **«мейнстрим»**.

Таков, например, интерес современных отечественных философов и политиков, а следовательно, и переводческий интерес к постмодернизму, деконструктивизму, работам Р. Барта, Ж. Багая, Дж. Батлера, Ж. Бодриара, Ги Дебора, Ж. Деррида, С. Жижека, Ю. Кристевой, Б. Латура, М. Онфре (*боваризм*), Р. Рорти, П. Слотердайка, М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, Д. Харауэй, Г. Гордона Франкфурта, М. Хоркхеймера, Ф. Фукаямы, М. Фуко, Н. Хомского, Р. Сафрански и других. Как все феномены, попавшие в сферу потребления, они, в соответствии с популярной теорией Ж. Бодриара, служат *знаками престижа и средствами иерархии*. Они испытывают на себе цикл моды, представляя собой не столько философию, сколько «*знаки философии*». Такие «медийные» тексты легко находят себе переводчиков и в значительном количестве обнаруживаются в интернет-сети в формате PDF.

Показателен в этом смысле пример переводческого «освоения» работ М. Фуко. Знакомство отечественной читательской аудитории с одним из самых влиятельных мыслителей XX века началось с русскоязычного перевода книги «*Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*» (1977, пер. В. Визгина и Н. Автономовой), примечательной не столько своей репрезентативностью для творчества автора, сколько скандальной известностью в западнокультурном контексте 60-х. До 1996 года именно этот единственный (и, в отличие от многих последующих, довольно качественный) перевод определял на постсоветском пространстве репутацию М. Фуко как «знаковой фигуры» французской философии. В постперестроечное время практически все его работы были переведены на русский язык (в том числе и в рамках совместных российско-украинских издательских проектов). Однако, последовательность переведённых текстов, очень незначительный объем профессиональных комментариев (наиболее заметны из которых – небольшие примечания переводчиков А. Колесникова, И. Стаф и В. Наумова, и пространная статья В. Подороги о М.Фуко и живописи), а также крайняя лаконичность предисловий и аналитических рецензий, не отражающих логику развития философско-литературных взглядов и понятий автора (к чьей особой системности он, будто бы, и не стремился), свидетельствуют о спонтанности интереса к «модному» имени и полному отсутствию продуманной интеллектуальной стратегии его понимания и перевода. Как следствие, многие переводы не отличаются качеством и надёжностью. (Стоит отметить, однако, что украиноязычный перевод «*Археології знання*», выполненный В. Шовкуном для киевского издательства «Основи» (2003), был удостоен премии им. Г. Сковороды, как один из лучших переводов с французского языка на украинский).

Таким же «слабым местом» стал перевод и для знакомства с другим «культурным» философом – Ж. Деррида, чьи появившиеся с большим опозданием, как русскоязычные, так и украинские («*Письмо та відмінність*», пер. В. Шовкуна, «Основи», 2004; «*Дарувати час*», пер. М. Ющенко, «Літопис», 2008) разнородные интерпретации «не складываются в единое целое» и, выступая в роли «сомнительных» и противоречивых комментаторов, создают у читателя, по словам одного из адептов и переводчиков мыслителя В. Лапитского, «опасную иллюзию понимания» [3:418-427].

О том, насколько легко находят своих читателей постмодернистские бестселлеры на модные темы, среди которых преобладают актуальные для современной французской философии тенденции – «философия жизни» и «философия концепта», можно убедиться, в частности, на примере громко презентованного в НАУКМА (с участием самого автора) укра-

инского перевода стилистически яркого антиклерикального эссе «*Traité d'athéologie/ Трактат атеології. Фізика метафізики*» М. Онфре, («Ника-Центр», 2010, пер. с фр. и научная редакция А. Репы), или переводов А. Бадью («*Концепт моделі. Вступ до матеріалістичної епістемології математики*», пер. А. Репы), Ж. Батая («*Історія еротизму*», пер. Г. Чопыка); М. Бланшо («*Простір літератури*») и Ж. Бодриара («*Божиста лівця*») и «*Символічний обмін і смерть*») в авторстве Л. Кононовича, переводов Г. Маркузе («*Одновимірна людина*», пер. В. Курганского; «*Структура інстинктів і суспільство: Філософське дослідження вчення Зигмунда Фрейда*», пер. О. Юдина), Ж. Деррида («*Дарувати час*», пер. М. Ющенко), Р. Каюа («*Людина та сакральне*», пер. В. Лях, С. Удовик, Г. Москвитина); Ю. Кристева («*Самі собі чужі*», пер. З. Борисюк; «*Сила жаху*», пер. Н. Римской; «*Stabat Mater*», пер. Х. Сохоцкой и М. Зубрицкой; «*Полілог*», пер. П. Тарашука); М. Мерло-Понти («*Видиме й невидиме*», пер. Е. Маричева), Э. Рудинеско («*Навіщо нам психоаналіз?*») и «*Разладнана сім'я*» в пер. Е. Маричева, «*Філософи в обіймах бурі*» в пер. А. Юдина) и т.д.

В настоящее время «просветительская функция» переводов французской образом на уровне терминологии, стилистики, риторики, но не «современных» идей и теорий, присутствие которых в разработках отечественных философов практически не ощутимо); в то же время, непереуведёнными и неизданными остаются, к примеру, некоторые «классические», но сложные в языковом плане работы последних десятилетий XX века. Среди них – и тексты Ю. Хабермаса, представленные не только на всех европейских языках, но и на языке суахили. Но на постсоветском пространстве его неординарные идеи осваиваются, главным образом опосредованно – через интертекстуальные ссылки и интерпретации его западноевропейских коллег. С большим трудом, как уже упоминалось, «присваивается» в отечественных реалиях и феноменологический язык М. Хайдеггера. Показательно, что единственным полноценным присутствием в российско-украинском интеллектуальной культуре изданной более 70 лет назад знаковой работы М. Хайдеггера «*Sein und Zeit*» («*Бытие и время*») является перевод В. В. Библихина (1997), причисленный Е. Ознобкиной к «сокровищнице российского философского перевода». При этом, представляя, по общему мнению, «большую ценность как работа Библихина», перевод не только не помогает, но и значительно затрудняет своей «библихинской» стилистикой освоение этого классического философского текста XX века, не давая автору возможности «прижиться» на культурной территории ПЯ. (Стоит особо упомянуть, что, пытаясь объяснить этот феномен в очерке «*Для служебного пользования*» и сравнивая свои достижения как философа и переводчика с положением своих европейских коллег-сверстников, В. В. Библихин сам констатирует своё «предсказуемое» отставание в философии и отсутствие понимания реалий мира, «говорящего на языке философской свободы»). Вместе с тем, конструируя стиль М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Ж.-Ф. Лиотара, Э. Левинаса или Б. Вальденфельса уже заявившие о себе современные переводчики: (русскоязычные) А. В. Ахутин, Е. В. Борисов, А. В. Михайлов, А. Г. Черняков, А. П. Шурбелев, а также (украинские) Т. Возняк, Н. Зборовская В. Камянец, В. Кебуладзе, Ю. Прохасько и другие, по сути, формируют и культивируют идеологемы и продуктивную стилистику российской и украинской феноменологии.

Параллельно философский перевод пытается «*транспонировать*» в национальный язык системные философские понятия, сформировавшиеся в отечественной мыслительной

практике через конвенциональное знакомство с русскоязычными переводами. Когда в 2000 году вышел первый украинский перевод «Критики чистого разума» И. Канта, М. Минаков назвал это «маленькой революцией» («*Проект перекладів і український академізм*») [7: 114]. Во-первых, «тому, що добра сотня філософських термінів врешті знайшла своє усталення», как например, термин *Verstand* (ещё в XIXв. неточно переведённый по-русски как *рассудок* → (укр. калька) *розсуд, глузд, розуміння*), и в переводе И. Бурковско-го получивший, наконец, более адекватное соответствие – *розсудок*. Во-вторых, тем, что на ближайшие 10-20 лет, до появления следующего (возможно, более совершенного) перевода, заложил основы стабильности украинской академической философской терминологии, позволяющей от классических текстов продвигаться в сторону других философских традиций и культур. Можно говорить уже о некоторой терминологической системности подхода к украинскому переводу работ И. Канта («*Пролегомени до кожної майбутньої метафізики, яка може постати як наука*», К.: «ППС», 2002, 2005; «*Критика чистого розуму*», «*Критика практичного розуму*», «*Рефлексії до критики чистого розуму*», К.: «Юніверс», 2000, 2004, 2004) и Г.В.Ф. Гегеля («*Феноменологія духу*», К.: «Основи», 2004), фундамент которой формирует, в частности, опыт экспертно-переводческого обсуждения «украинизации» кантовской терминологии и терминологии трансцендентализма в рамках семинаров «Лабораторії наукового перекладу».

Не менее значимым можно считать и отмеченный в 2001 году премией им. Г. Сквороды перевод «*Про суспільну угоду, або Принципи Політичного Права*» Ж.-Ж. Руссо, представленный О. Хомой (К.: «Port Royal», 2001).

Еще один пример – украиноязычное издание главной работы А. Шопенгауэра «*Die Welt als Wille und Vorstellung*» (1819) («*Світ як воля та уявлення*»), львовское изд-во «Астролябія», 2004 г., О. Фешовец, самый первый за почти 200 лет украинский перевод автора, одного из основателей неоклассической интеллектуальной традиции, оказавшего значительное влияние на взгляды Н. Ницше, Э. Гартмана, З. Фрейда и особенно – Л. Вингенштейна. Отметим, что на русский язык трактат А. Шопенгауэра «*Мир как воля и представление*» был впервые переведён в 1880 году А. И. Фетом (2-е издание – 1888), следующий известный перевод Н.М. Соколова вышел в 1893 году, перевод Ю.И. Айхенвальда – в 1900 году и т.д.).

В 2009 г. вышла в свет в украинском переводе и значимая книга Э. Гусерля «*Erfahrung und Urteil*» («*Досвід і судження*»), Киев: «ППС-2002»). Примечательно, что перевод этой очень сложной для понимания классической феноменологической работы, выполненный В. Кебуладзе – одним из самых заметных (и немногочисленных) на сегодняшний день представителей отечественной феноменологии, содержит послесловие переводчика с обзором основных положений Э. Гусерля, что во многом задаёт уровень адекватности перевода и перспективы его вхождения в украинский контекст. Достойны внимания и попытки украинского переводчика передать «немецкую стилистику» оригинального текста, и даже сделать Э. Гусерля максимально доступным для понимания, что отличает этот текст, например, от русскоязычных переводов этого же автора Д.В. Складнева и В.И. Молчанова.

К настоящему времени формируется и круг переводчиков Ф. Ницше (А. Онишко, К. Котюк, О. Фешовец, П. Тарашук, Б. Чума), в задачу которых входит формирование основ «рецепції філософії Ницше в різних сферах українського культурного буття». Однако процесс этот связан с чрезвычайными трудностями, поскольку, как свидетельствует Т.

Лютый («Українське ніцшеанство»), «нинішній стан української рецепції Ніцше є лише зародковим. Про це свідчить брак розвідок з вивчення провідних домінант Ніцшевого філософування. Трапляються спорадичні розвідки, присвячені проблемі суб'єкта, нігілізму, сенсу життя, музичній творчості у Ніцше чи постмодерному тлумаченню його філософії тощо. Деякі з них взяті з побудов західних або російських дослідників і слугують авторам дороговказами для власних помислів і побіжних ілюстрацій» [5:60]. Не решённые до сих пор проблемы терминологического характера делают тексты Ницше практически недоступными украинским исследователям, а немногочисленные украинские переводы (задуманные как часть проекта по переводу «*Полного собрания сочинений*» немецкого философа в 15-ти томах) не набрали ещё критической массы, необходимой для противостояния упрощённым стереотипам его привычного восприятия.

Амбициозную задачу создания «украинского Декарта» ставит перед собой и проект «*Cartesius*», предполагающий подготовку и издание 5-ти томного собрания сочинений Р. Декарта (с параллельными текстами на трёх языках – латинском, французском и украинском) и составление «*Словника картезіанської термінології*».

Представленной украинскому читателю, хотя и предельно фрагментарно, оказалась не только «континентальная», но и актуальная аналитическая традиция, функционально отстаивающая позицию здравого смысла в философии в противовес постмодернистской критике обыденного сознания (М. Даммит, Дж. Роулз, А. Макинтайр), например: монографии профессора Гарвардского университета Дж. Ролза «*Політичний лібералізм*» (К.: «Основи», 2000, перевод А. Мокровольского) и «*Теорія справедливості*» (К.: «Основи», 2001, перевод А. Мокровольского) – одна из наиболее значительных книг в политической философии XX века (за время своего существования с 1971 г. стала самым комментируемым трудом в истории человечества, опередив произведения Платона и Аристотеля), а также работа профессора Бостонского университета А. Макинтайра «*Після чесноти: Дослідження з теорії моралі*» (К.: «Дух і літера», 2002), «*Структура наукових революцій*» Т. Куна, «*Логічні основи метафізики*» М. Даммита. Существенно, что авторы именно этих текстов тесно связаны с традицией европейского способа философствования и являются современными институциональными авторитетами. Вместе с тем, в круг переводимых на Украине книг пока не вошла, например, знаковая работа великого американского философа – профессора Принстона и университета штата Вирджинии Р. Рорти «*Philosophy and the mirror of the nature/ Філософія и зеркало природы*», которая, в связи с декларацией ею тезиса о «кончине эпистемологии», считается наиболее значительным вкладом в метафилософию со времен И. Канта, и, по словам другого видного американского философа Н. Решера – одной из «читательских вершин» в философском литературном массиве, и, на ряду со «*Словом и объектом*» В. Куайна, «*Структурой научных революций*» Т. Куна и «*Теорией справедливости*» Дж. Ролза, продолжает возглавлять западноевропейский «индекс цитируемости» в области философии [9:ix]. Ждут своего часа переводы работ Л. Витгенштейна (исходя из понимания значимости философа, как «родоначальника» аналитической философии и «отца» британской лингвистической философии»), Д. Чалмерса (автора фундаментальной научной монографии «*The consciousness mind/ Сознający ум*»), Б. Уильямса (самого выдающегося и влиятельного британского морального философа своего времени) и заметные работы других философов, например, – лауреатов международной Премии Рольфа Шака (*Schockprisen*), в число которых, кроме упомянутых выше Майкла Даммита

и Джона Роулза, вошли также Сол Крипке, Уиллард Куайн, Томас Нэйджел, Хилари Патнэм, Дана Скотт, Соломон Феферман и Яако Хинтикка.

Положительным можно считать факт, что в число переводимых авторов попали и философы «второго порядка», работы которых позволяют воссоздать общий интересубъективный и исторический контекст историко-философской науки. Такой принцип позволяет представить историю философии не как последовательность учений, а как историю интеллектуальных диалогов, полемик и дискуссий. Подход к интеллектуальному наследию как к единому, темпорально и логически организованному тексту может быть очень продуктивен не только с точки зрения интертекстуального исследования историко-философских первоисточников, но и технологии формирования в украинском языке единой философской тезаурусной базы. С этой точки зрения тексты по социальной и политической философии таких интеллектуалов, как С. Жижек, М. Маклюэн, В. Хёсле, О. Хёффе, В. Вельш, Ж. Мере, Ж. Бодриара, или Ф. Фукуямы не менее показательны для современного философского лексикона, чем работы Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля, К. Поппера, Б. Рассела, Дж. Ролза, Р. Рорти или А. Макинтайра. Также, как работы таких «неакадемических» и индивидуальных и, вместе с тем, глубоко интегрированных в отечественный научный дискурс авторов, как Ж. Делёз (постмодернизм, критика технической цивилизации), М. Хайдеггер (экзистенциализм, критика капитализма) и М. Мамардашвили (персонализм, критика советского мировоззрения), которые при всех своих провокативных интеллектуальных экспериментах и популярности не только «не приобрели последователей», но и, в понимании некоторых постсоветских философов «скорее являются документом своей эпохи, а не актуальным исследованием, которое можно продолжить» [10:3]. Интерес к этим авторам типичен для всего постсоветского пространства, где они традиционно воплощающих собой образ личной свободы и свободы философской рефлексии.

В целом, за последние 15 лет на украинские язык было переведено более полутора сотни собственно философских работ, позволивший украинскому читателю ознакомиться с отдельными произведениями Аристотеля, Платона, Амвросия Теодосия Макробия, Северина Боэция, Фомы Аквинского, Р. Декарта, Дж. Локка, Б. Спинозы, Б. Паскаля, Р. Руссо, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, В. Гумбольдта, Д. Юма, Т. Адорно, К.-О. Апеля, Х. Арендт, В. Беньямина, Ж. Бодриара, Б. Вальдерфельса, Г.Г. Гадамера, Э. Гуссерля, М. Даммита, Д. Дили, Ж. Деррида, Д. Дили, С. Жижека, Р. Кайюа, Ю. Кристевой, К. Леви-Стросса, Э. Макинтайра, М. Маклюэн, М. Мамардашвили, Г. Маркузе, К. М. Маэра-Абиха, М. Мерло-Понти, Дж. Митчел, Ж.-Л. Нанси, Ф. Ницше, П. Рикёра, Дж. Роулза, В. Рёда, Дж. Сантаяны, Ж.-П. Сартра, П. Слотердайка, Ч. Тейлора, Г. Фреге, Э. Фромма, М. Фуко, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, В. Хёсле, Н. Хомского, М. Хоркхаймера, О. Хёффе, Ц. Тодорова, А. Турена, Р. Циппелиуса, М. Эллиаде, Х. Яннараса, К. Ясперса и других. Четыре пятых (около 80%) переведённых на украинский язык мыслительных текстов составляют работы философов Нового и Новейшего времени. Большинство из этих текстов переведено на украинский язык впервые и не имеет русскоязычных аналогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беседа Елены Ознобкиной с Н.В. Мотрошиловой / Е. Ознобкина, Н. В. Мотрошилова // Логос. – 2005. – № 1. – С. 18-27.

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Жан Бодрийяр; [пер. с франц. и вступ. статья С. Н. Зенкина]. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие / Жак Деррида; [пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина]. – СПб.: Академ. проект, 2000. – 432 с.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века) / Ю.М. Лотман– Спб.: Искусство-СПб, 2002. – 496 с.
5. Лютий Т.В. Українське ніцшеанство / Т.В. Лютий // Наукові записки НаУКМА. – 2011. – Т. 115: Філософія та релігієзнавство. – С. 60-66.
1. Малахов В. Эта непреходящая классика [Электронный ресурс] / В. Малахов // Иностранная литература. – 1998. – №12. – Режим доступа к журналу: <http://magazine.ru/inostran/1998/12/sredi03.html>
2. Мінаков М. «Проект перекладів» і український академізм / М. Мінаков // Український гуманітарний огляд. Проблеми. – 2000. – № 12. – С. 107-116.
3. Ознобкина Е. Мартин Хайдеггер. Прологомены к истории понятия времени / Елена Ознобкина // Новый мир. – 1999. – № 11. – С. 284-285.
4. Рорти Р. Философия и зеркало природы //Ричард Рорти; [пер. с англ.; научн. ред. В. В. Целищев]. – Новосибирск: Изд-во Новосиб ун-та, 1997. – 297 с.
5. Семенков В. Философия как литература. Об изменении формата философского дискурса / В. Семенков; [Электронный ресурс] // Credo New. – 2011. – №4. – Режим доступа к статье: intelgos.ru/readroom/credo_new/credo-new-2011-4/12036
6. Хайдеггер М. Бытие и время = Sein und Zeit / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. и примеч. В. В. Библихина]. – Харьков: Фолио, 2003. – 509 с.

УДК 81'255, 4: 821.111

*Дубенко О.Ю.
(Київ, Україна)*

АБЕРАЦІЇ В ТЕКСТІ ПЕРЕКЛАДУ ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ ОСОБЛИВОСТЕЙ ПЕРЕКЛАДАЦЬКОЇ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ (на матеріалі українських перекладів англо-американської поезії)

Статтю присвячено тим перекладацьким відхиленням від першотвору, які зумовлюються етнокультурними та естетичними особливостями світосприйняття перекладача.

Ключові слова: *перекладацька аберація, концептуальний прототип, образно-поетичний прототип.*

В статтє рассматриваются те переводческие отклонения от оригинала, которые обусловлены этнокультурными и эстетическими особенностями мировосприятия переводчика.

Ключевые слова: *переводческая аберация, концептуальный прототип, образно-поэтический прототип.*

© Дубенко О.Ю., 2013